

Мария МЕЛЬНИКОВА

ВАСИЛЬЕВ И ПУСТОТА

Николай Васильев. Нефть звенит ключами. – М.: Стеклограф, 2020. – 74 с.

Слово «нефть» в названии современной русскоязычной книги не может не будить определенных мистических ожиданий. Но здесь – не пелевинская нефть, которой пахнет во всей вселенной, и не благодатные родники прекрасной России сорокинского будущего. Нефть Николая Васильева по сравнению с ними кажется совсем тихой метафорической скромницей:

вот Меркурий, он так, для отмера,
вот неверия точка Венера
чуть подальше, невидимо, вера,
где на лестнице сумерек нефть
серебром ключевым прозвенела
от твоей ли квартиры, да нет

Вот только размышляя, что собирается лирический герой отмерять при помощи Меркурия, в чем гносеологическая проблема Венеры и является ли звон ключей «от твоей квартиры» желанным, можно легко упустить одну маленькую визуальную деталь: если уже сумерки похожи на нефть, то чего ждать от ночи? Спойлер: это зависит исключительно от читателя.

Явление, без упоминания которого разговор о поэзии Васильева невозможен, нагляднее всего явлено в японской живописи. Это оставленный необработанным участок картины или незакрашенное фоновое пространство. Японская художественная традиция уважает пустоту, ничем не заполненная изобразительная поверхность в ней и обладает собственной ценностью, и служит важным инструментом расширения зрительского восприятия, побуждает домысливать видимое, выводить его за пределы бумажного листа, холста, доски. В те или иные игры с пустотой – называя ее множеством разных терминов – люди играют во всех видах искусства. И если бы некоему культуртрегеру-метаконцептуалисту вздумалось организовать выставку таких пустот, одно из самых почетных мест на ней принадлежало бы «незакрашенному участку» текстов Васильева.

По сути это даже не «участок». Читая «Нефть звенит ключами», ты словно наблюдаешь, как бумага пытается поглотить рисовальщика.

Васильев не абстракционист, слова для него – не самодостаточные семантические объекты, а средства описания вполне конкретной страны, обитатели которой влюбляются, расстаются, ходят в гости, путешествуют, конфликтуют, переживают страшные утраты, размышляют. Но Васильев не помещает пустоту в этот мир. Он помещает мир в пустоту.

Она – не отсутствие материи. Или света. Или смысла. Она, может быть, неуютна, но обитаема и как-то обустроена. Вот дорога, электричка, дома, деревья, река, девочка на качелях, полицейские, вот даже гостиница «Хаос», только обольщаться ничем из этого нельзя. Здесь даже не надо делать роковой «шаг влево – шаг вправо», достаточно чуть повернуть голову – и вот оно, нестерпимое сияние безграничной безъясности, где нет «в некотором царстве, в некотором государстве», нет «откуда» и «куда». Здесь как в бета-версии компьютерной игры, где объяснений происходящему никто не дает, на выходе из локации попадаешь в белое поле, и можно намертво застрять в любой текстуре:

к чему ни подойди – края видны заране,
как будто жизнь честна, как девушка, со мной,
как будто не моя, прямее и поганей

недолго говоря в подмёрзший перегной

зачем мы и при чём – за стенкой, при режиме,
в один прекрасный день, в одну прекрасну дрянь
мне выродилось всё, чужое и чужие,
и сам себе никто, ни прочая родня

Однако вот твоё оружие и зелья, вот твоё миссия, вот твои враги. Эта зловещая вселенная предназначена не для фрустрации, а для действия. Оно может быть совсем малым – оглянуться или заснуть в маршрутке (тут и такое может приобретать черты мучительного свершения). Или оказаться даже не действием, а отрицанием действия – оставить «это» (не спрашивайте!) «никаким, несглаживаемым – не сглазить то, чего не сгладить». А может быть жутким, титаническим:

я знаю, всё сожги, оставь тоску одну лишь
несбыточный позор с лопаты, без следа
в дымящуюся топь, где поздно мы проснулись,
но лучше, докажись теперь, чем никогда

Или:

кто пахнет из-под брезента, я или Бог
лучше бы я
но опознавать не стал, потому что трус

помог им из кузова вытащить плот, не плот,
кого-то на нём большой, но подвижный груз

По пространству книги путешествуешь буквально на ощупь. Осознание бессмысленности вопросов «где я?», «кто эти люди?», «чей голос я слышу?», «что происходит и почему все так плохо?» наступает довольно быстро, и с ним приходят полезные исследовательские навыки: догадаться о событии по его последствиям, о предмете по его воздействию, пробраться, обдирая сознание, между членами предложения, расставленными в сновидческом порядке, через опасные ямы от выпущенных важных слов, через слова, хитро подмененные и заново придуманные. Васильевская пустота щедра, попавшему в нее она позволяет примерить множество ролей. Что ты делаешь, когда читаешь «Нефть звенит ключами»? Сражаешься с полтергейстом – тело противника невидимо, зато летящие в тебя со страшной силой посуда и мебель более чем заметны? Плутаешь в метели, силясь разобрать, что ожидает тебя впереди – пень, волк, любовь всей твоей жизни или Емельян Пугачев? Пытаешься мысленным усилием починить что-то сломанное? Или сам сломался, и именно поэтому видишь какой-то ужас вместо космического стройного порядка? Как ты попал в гостиницу «Хаос»?

Читать «Нефть звенит ключами» – тяжелая, причудливая работа, побуждающая вступать в непривычные отношения со временем, в котором стоишь. Васильев – человек абсолютно современный. Он миллениал, родился в 1987 году. По роду занятий – журналист. Его поэтическая вселенная составлена из дорог, полей, переулков – пространств маргинальных, транзитных, плохо обжитых или попросту пустынных, она в силу обстоятельств бедна яркими приметами XXI века, но во вневременности ее неизменно сквозит полуневидимая, ухватистая нынешность. Однако творческая манера Васильева – воплощенная антитеза сегодняшнего социокультурного дискурса, требующего скорости, четкости, наглядности и комфортности восприятия. Его язык, его способ говорения призваны не облегчить тебе жизнь, не сэкономить тебе время и силы

для постижения стремительно умножающихся чудес дивного нового мира, но наоборот, замедлить и усложнить твое существование, отправить тебя в крестовый поход по дороге, не имеющей конца.

Так зачем по ней идти, калеча ноги, зачем ехать, сходя с ума, зачем пытаться что-то разглядеть в этом мороке странника? Затем, что все это страшное, но твое.

снег бодяжит весна, с каждым годом сомнительней кроет
неподъёмную глушь, потому и объёмы растут –
но и здесь ты не здесь ни родился, ни умер порою,
даже если родился и умер практически тут

есть у истины выбор, одной только ей и по праву,
меж законов своих просиять беззаконье одно –

чтоб в аду областном под мазутом и кровью канава
у апрельского неба рискнула спросить, кто оно

Путь из семантического лабиринта существует, ответ прост. Оно – это ты. Твое в мегамасштабах, в чудовищной близости. Все это и есть ты. Рисовальщик и есть бумага. Разрастание индивидуума до пространства в поэзии Васильева происходит легко и незаметно – вроде бы никаких событий мифического масштаба не произошло, просто вот рукав заменяет падающему снегу землю, вот «междуглазое небо» и «выгиб земли челюстной», а если неба нет, им станет «чистый крик, полнейший алингвал». Отношения человека со смертью здесь неразрешаемы, однако сводимы к простейшему телесному контакту: надо просто понять, что с тобой происходит:

стало стрёмно здесь жить, будто не за что
умирать, нечем взяться за смерть

Или:

никто не знал на свете, ни судьба,
что делать с этим бесконечным чувством –
как в поле, что ли, бить и погибать
с того, что жизнь по смертному плечу нам

И с Богом то же самое. Он не Минотавр лабиринта, не босс недописанной игры. Да, все, в общем-то, плохо и хорошо не могло быть ни при каком раскладе, потому что жизнь контрабандная, мир порченный и другого не дано... но покажите, у кого в семье все хорошо? С Творцом лирический герой Васильева ссорится очень горько и совершенно по-бытовому, как с родственником. А родственники обязаны уметь хоть как-то мириться.

К тому же мир, в котором Бог под брезентом почти неотличим от человека, все-таки мысль не поворачивается считать обреченным.